

А. Степанов

ЧИСЛО И КУЛЬТУРА

А. Степанов

Число и культура

Рациональное бессознательное
в языке, литературе,
науке, современной политике,
философии, истории

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2004

Степанов А. И.

Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 832 с.

ISBN 5-94457-181-0

Если Вы произнесли, скажем, фразу «Я проснулся утром», то автоматически вложили в нее несколько строгих логико-числовых структур, основания которых были до сих пор неизвестны. Использовано местоимение первого лица, а Вы знаете, почему таких лиц три, а не иное количество? Глагол «проснулся» — в прошедшем времени, но отчего и времен три (прошлое, настоящее, будущее)? Употреблено окончание мужского рода, по какой причине грамматических родов также три? Кроме того, Вы сказали «утром», тем самым обратившись к системе времен суток. Каковы резоны того, что их четыре (утро, день, вечер, ночь)? Всякий раз в речи присутствуют некие внутренние обязательные числа, обойтись без которых едва ли удастся.

Это относится не только к языку, но и к науке, художественной литературе, философии, истории, огромное множество примеров — в политической жизни, особенно современной. Здесь Вы найдете ответы, почему в разных ситуациях выступают одни логические числа, а не другие. Исследованные закономерности не зависят от времени, отчего их можно использовать и для прогнозов, в частности политических, ибо истины типа $2 \times 2 = 4$ справедливы всегда. Короче, данная книга о том рациональном, что рассеяно буквально повсюду, но в чем обычно мы не отдаем себе отчета.

ББК 81.2Р

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-181-0

9 785944 571816 >

© А. И. Степанов, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Вместо Предисловия, или Новое бессознательное	9
Глава 1. Число и культура, или Симплексы в языке, науке, литературе, политике, философии	45
1.1. Введение	46
1.2. Теоретическая модель	68
1.3. Тройственные структуры	75
<i>(лица местоимений; род: мужской – женский – средний; прошлое – настоящее – будущее; трехчастное членение времени у Конфуция, зороастрийцев; система грамматических времен в немецком языке; степени сравнения прилагательных и наречий: положительная – сравнительная – превосходная; артикли: определенный – неопределенный – значимое отсутствие; два главных и второстепенные члены предложения; небо – земля – преисподняя (рай – земля – ад); тело – душа – дух; геосфера – биосфера – ноосфера; разум – чувство – воля; три уровня «Я» у К. Ясперса; больше – меньше – равно; числа рациональные – алгебраические иррациональные – трансцендентные; действительные числа – комплексные – кватернионы; классы современного общества: богатый – средний – бедный; дворянство – духовенство – третье сословие абсолютистской Франции; идеальное устройство в «Государстве» Платона: правители (философы) – стражи – ремесленники; сословное деление в царской России; три вида государственной службы: военная – статская – придворная; три ветви государственной власти: законодательная – исполнительная – судебная; институт трипартизма: бизнес – профсоюзы – правительство; суд: обвинение (прокурор) – защита (адвокат) – судья (с заседателями или присяжными); образы правления: автократия – олигархия – демократия; типы законной власти по М. Веберу; стан-</i>	

дартная классификация политических течений: либерализм – консерватизм – радикализм (варианты: либерализм – консерватизм – марксизм, либерализм – марксизм – национализм); правые – левые – центр; Запад – Восток – «третий мир»; идеология «третьего пути»; миро-системный анализ: ядро – полупериферия – периферия; русская идеология XIX в.: православие – самодержавие – народность; государственная идеология Таиланда и кхмерского Сангнума: нация – религия – монархия; А. Фергюссон: эпохи дикости – варварства – цивилизации; К. Ю. Томсен: каменный – бронзовый – железный века; палеолит – мезолит – неолит; Древность – Средневековье – Новое время; «Москва – Третий Рим»; «Третий рейх»; «Третье Откровение»; классическая система литературных родов: лирика – эпос – драма; трагедия – комедия – драма; литературный процесс: автор – читатель – критик; ингредиенты эстетического объекта по М. М. Бахтину: автор – герой – слушатель; треугольник Фреге: действительный предмет – имя – смысл (денотат – знак – десигнат); Ф. де Соссюр: *langage* – *langue* – *parole* (нем.: *Rede* – *Sprache* – *das Sprechen* или *Sprache* – *Sprachtum* – *Sprechart*); психическая структура личности по З. Фрейду: подсознание – сознание – сверх-Я; вера – надежда – любовь; сферы морального закона у Фомы Аквинского: закон естественный – позитивный – божественный; Агриппа фон Неттесхайм, миры, окружающие человека: естественное царство стихий – небесный мир звездного свода – интеллигибельный мир; тройки Я. Бёме; истина – добро – красота; высшие познавательные способности по Канту: рассудок – разум – способность суждения; наука – искусство – философия; Гегель: всеобщее – особенное – единичное, бытие – ничто – становление, качество – количество – мера, сущность – явление – действительность, право – мораль – нравственность, семья – гражданское общество – государство, тезис – антитезис – синтезис; стили жизни по С. Кьеркегору: эстетический – этический – религиозный; три основные парадигмы философии Нового времени у А. Н. Уайтхеда: идеализм – материализм – дуализм; большие человеческие расы: белая – желтая – черная (европеоидная – монголоидная – негроидная); этническое ядро американской нации: англичане – ирландцы – немцы; основные группы европейских народов: романская – германская – славянская; наиболее крупные мировые религии: христианство – ислам – буддизм; главные монотеистические религии: христианство – ислам – иудаизм; три ведущие ветви христианства: католичество – православие – протестантизм; ключевые религиозно-философские компоненты культуры традиционного Китая: конфуцианство – даосизм – буддизм; тройки героев народных сказок: пифагорейская классификация живых разумных существ: бог – человек – существо, подобное Пифагору; Паскаль: «Бог Авраама, Исаака, Иакова, а не бог философов»; римское право: *tres faciunt collegium* (трое составляют коллегию);

число три у протоиранцев, китайцев, первобытных народов; структура моногамной семьи: муж – жена – дети; трехмерное физическое пространство; резюме)	
1.4. Кватерниорные структуры	156
1.4.1. Предварительный список примеров	156
(четырёхмерное релятивистское физическое пространство; агрегатные состояния вещества: твердое тело – жидкость – газ – плазма; фундаментальные физические взаимодействия: сильное – электромагнитное – слабое – гравитационное; золотой век – серебряный – бронзовый – железный; первоэлементы натурфилософии: земля – вода – воздух – огонь; четыре канонические Евангелия; четверки у А. Шопенгауэра, А. Бергсона; четырёхмерное время у М. Хайдеггера; Древность – Средневековье – Новое время – Новейшее; общественно-экономические формации в марксизме: рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм; четвертый тип политических течений: большевики; «Три мушкетера» А. Дюма: Атос – Портос – Арамис – д'Артаньян; «Братья Карамазовы» Достоевского: три законных сына и один незаконный; «Золотой теленок» Ильфа и Петрова: Козлевич – Балаганов – Паниковский – Бендер; годовой цикл: весна – лето – осень – зима; страны света: восток – юг – запад – север; суточный цикл: утро – день – вечер – ночь; деление суток в немецком языке; четвертый литературный род; кватернионы К. Юнга; рай – чистилище – ад – земля; учение о Софии в русской религиозной философии; тетрады маскульта; «Трое в лодке, не считая собаки» Дж. К. Джерома; Beatles; симплексы)	
1.4.2. Политические тетрады	212
1.4.2♥. СССР и СНГ	225
1.4.2♥♥. Территориально-политическая структура новейшей Европы	272
1.4.3. Другие разновидности тетрад	331
1.5. Системы с иной логической структурой	345
1.6. Итоги первой главы	423
Глава 2. Революции, «революции», общество. (Логические циклы новейшей политической истории)	443
Глава 3. Золотое сечение и другие пропорции в политике	543
3.1. Теоретическая модель. Послевоенное мировое сообщество: США и СССР	545
3.2. Российская Федерация в СССР. Англия в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Чехия в Чехословакии	563

3.3. Краткая историческая справка	576
3.4. Биполярные партийные системы	588
3.5. Особые случаи биполярных систем: партийная система послевоенной Италии, процент участвующих в голосовании	598
3.6. Квотерниорные партийно-политические системы	611
3.7. Президентские и губернаторские выборы, иные сопутствующие отношения	636
3.8. Национальные большинство и меньшинство, национальные автономии и т. д.	668
3.9. Несколько чуть более сложных случаев. Варианты квотерниорных систем	686
3.10. Выборы в Государственную Думу России 19 декабря 1999 г. Замечания о Европе.	710
3.11. Подводим итоги	746
Приложения	755
П.1. Вывод и решение уравнения из первой главы	756
П.1.1. Несколько иной вывод основного уравнения из первой главы	756
П.1.2. Как мы узнаём об общих решениях основного уравнения из первой главы?	759
П.2. Альтернативные и дополнительные установки при исследовании холистических систем в культуре	
П.2.1. Системы со значимым порядком расположения элементов. Золотое сечение: западная и восточная парадигмы	761
П.2.2. Системы, в которых роль отношений играет порядок следования элементов: унитарность и бинарность	786
П.3. Германия в послеялтинскую эпоху и ныне	793
Литература	800
Резюме	823
Abstract	827

Вместо Предисловия, или Новое бессознательное

Способность забывать, по заверениям врачей и психологов, — счастливая наша способность. Особый случай — почти специальное, намеренное забывание, когда из здоровой памяти и дневного сознания вытесняется и сам акт забывания. Блокировка. По словам поэта: «Я забыл, что я забыл. Я забыл, ЧТО я забыл»¹. Психоаналитики в терапевтических целях помогают пациенту обнаружить скрытое в глубокой и темной пещере, вынести его на свет, по сю сторону порога сознания. Аналитическая психология, что важнее для нас, терапией не ограничивается. С первых стадий своего развития она не только выдвинула гипотезы о строении и механизмах психики, но и применила их к исследованию культуры, социума. Индивидуальное подсознание влияет на сознание человека, его мышление, язык, поведение, с его решающим участием протекают процессы творчества, интуиции, воображения, рождаются религиозные, художественные и даже научные образы. Бессознательное обладает как индивидуальной, так и коллективной природой (версия К. Юнга) и по-прежнему управляет культурой, оно ответственно за исторические феномены, регулирует здоровые и болезненные состояния, будучи своего рода прочной и питательной почвой, в которой прячутся корни как личной, так и общественной жизни. Таким образом, за генезис и формообразующую, креативную силу человеческой деятельности в значительной мере отвечают, согласно фрейдистской и юнгианской теориям, факторы под- и бессознательного.

¹ Л. Аронзон, стихотворение «Запись бесед» [28, с. 71].

С другой стороны, современное общество и культура идентифицируют себя в качестве рациональных («слишком рациональных», по мнению многих). Применительно к науке и технике данное утверждение — общее место. Но оно справедливо и в отношении к экономическому, а также политическому устройству: мы гордимся его целесообразной разумностью (а не, скажем, традиционностью, священностью) или сетуем на дефицит таковой. Даже нынешнее искусство понимается и санкционируется с помощью декларативных манифестов, интеллектуальной критики, искусствоведения; концептуальные схемы непосредственно вторгаются в самую плоть художественных произведений. Если и возникает намерение оградить какую-то область от экспансии чрезмерно рациональных методов, мы считаем долгом это систематически обосновать, построить теорию, вступив на ристалище, где судят в основном по рациональным же правилам. Так произошло, в частности, с порывами Шопенгауэра, Ницше, Риккерта отстаивать свободу «иррациональной» и/или неповторимой человеческой воли в истории и науке о ней.

Рассудочная активность продолжается как минимум десятки тысяч лет. Она не только обладает долгой историей, но и прошла через множество ключевых этапов, образовала целый ряд относительно обособленных друг от друга, послойных «отложений», своего рода «археологических», «геологических» пластов — разных типов рациональности. Правдоподобно, что рациональность последних веков, т. е. Нового и Новейшего времени, оказалась беспрецедентно тотальной, превзойдя предшествующие периоды по многим параметрам: как интенсивным (накал), так и экстенсивным (широта охвата). Она, эта новая рациональность, качественно отличается от предыдущих и своим историзмом, и позитивным (позитивистским) уклоном. Что стало при этом со старым рациональным? Всё ли сохранилось в нашей ясной и твердой памяти, в нашем сознательном оперативно-логическом, мыслительном инструментарии?

Это в традициях нынешнего рационального, тронутого одновременно скептицизмом и прожектерством, по-шпенглеровски «фаустовского» человека — не только искать причины, надежные основы всего, но и не удовлетворяться ни одним из конечных найденных объяснений. Каждое из них всякий раз вновь подвергается критическому «кантовскому» анализу, рефлексии и ревизии; и мы спускаемся по лестнице дурной бесконечности от первичных

наблюдаемых фактов к их основам, основам основ и т. д. Здесь не могли остаться не поставленными и вопросы о фундаменте и корнях самого рационального мышления, современного рационально организованного социума. Один из кажущихся естественными ответов XX в.: истоки рациональности следует искать в до- и вне-рациональном, эволюционные первопредпосылки институтов модернистского общества — в организации и верованиях первобытных родов и племен. Так сказать, причина бытия рациональности — в его не- или добытии. Помимо Фрейда и Юнга, лепта в такой подход внесена классиками культурологии, антропологии: Морганом, Тайлором, Леви-Брюлем, Леви-Стросом, Фрезером, Голосовкером и рядом других².

Подобный ответ обладает одним неподдельным достоинством: он позволяет — хотя бы пока — оборвать лестницу названной дурной бесконечности, предоставляет право претендовать на специфическую окончательность объяснений. Действительно, наука современного типа не только считает себя продуктом исторического развития, она включает время, развитие (прогресс или, реже, регресс) в свой собственный метод, состав; она сама продуцирует изменчивость, не будучи в состоянии надолго остановиться, как сказано, и в переходах от следствий к причинам, причинам причин... Древняя статика после Галилея, Декарта, Ньютона превращается в частный — и «бедный» — случай динамики. История становится эмпирической, позитивной наукой, последовательно изживая из собственного трактующего инструментария следы всяческого ахронизма в форме мифов, Священной

² И здесь, и впоследствии аналитическая психология и антропология рассматриваются не столько в качестве специальных, самостоятельных наук (которым действительно удалось получить ценные результаты), сколько в их эпистемологической функции, или проекции: когда центральные положения и методы этих дисциплин используются для исследования феноменов современной культуры и социума. Так, Бертольд Шварк пишет о Леви-Стросе: он «вынес убеждение, что за общественными отношениями, в том виде, в каком они нам являются, стоят неосознанные связи, структуры. Это бессознательное находит отражение в стремлении народов запечатлеть социальную действительность в символах» [444, S. 642], — и далее: «Леви-Строс не ограничивает исследование формальных структур исключительно рамками этнологии. Он видит в этнологии удачный теоретический подход, в том числе и ключ к социальным отношениям вообще» [ibidem].

истории, преданий или телеологии, извечных законов. «Начало» истории либо не существует, либо недостижимо, ее нижний предел последовательно отодвигается во все более далекое прошлое. Из философии и наук выброшена дискредитированная «вечная» метафизика (Кант, неокантианцы и, скажем, Карл Поппер). Эволюционный и даже прогрессистский подходы завоевали биологию, науки о культуре и обществе. Если отвлечься от идеологической заинтересованности и инвективной заостренности Рене Генона (что сам он, правда, вряд ли бы одобрил), то в его работах довольно точно схвачены характеристические черты современного образа мысли (см., например, [97]).

В отличие от позитивных наук, психоанализ и этнология³ обращаются к ахроническим субстанциям: к мифу (сначала древнегреческому), как Зигмунд Фрейд, к герметическому или религиозно-философскому знанию (алхимии, йоге, тибетским доктринам), подобно Карлу Юнгу, или к принципиально непрогрессивной, зыбущейся на всегда древних верованиях и представлениях первобытной общине, как, скажем, у Леви-Строса. Апелляция к сущностно вневременным, вернее к идентифицирующим себя в качестве таковых, стихиям для обоснования современного динамичного, пребывающего в постоянном становлении и обновлении сознания, нынешнего исторического, прогрессистского социума приносит определенное удовлетворение модернистскому человеку, как бы останавливает и успокаивает беспрестанный бег его мыслей и чувств. Названные концепции разжигают наше воображение, несомненно впечатляют, но вот убеждают ли?

Что здесьстораживает? Во-первых, тот же Фрейд оперирует не столько самим греческим мифом, сколько его современной, адаптированной интерпретацией, преломленной сквозь современный же рассудок (А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» по аналогичному поводу отмечал: греческая мифология, пантеон выдуманы последующими исследователями — см. [192])⁴. Не только аналитики, но и массы обычных людей, входя в жизнь, воспитывая

³ В англосаксонских странах этнологию принято называть антропологией.

⁴ Тот, кто пытался читать аутентичные, «непричесанные» народные сказки, например из сборника Афанасьева, поймет, о чем идет речь: не обладая терпением и квалификацией специалиста, осилить их стоит великих трудов.

свой ум, память, воображение, знакомятся с мифами, сказками или былинами во вполне осовремененной версии, а нынешние дети и вовсе смотрят рекламные ролики, черепашек-ниндзя, Вольтронов, трансформеров или гоняют Змея Горыныча по дисплею компьютера. Аналогично, Юнг, конечно, не из цеха алхимиков и использует не столько их собственные, аутентично-невнятные категории, сколько транскрибированные современным же пониманием. Не иначе обстоит дело и с культур-антропологами, в связи с чем можно напомнить замечание Теодора Адорно в работе «К логике социальных наук» о роковой опасности для социологии: впасть в несоответствие методов и предмета исследования (в картине как примитивных общин, с одной стороны, так и индустриального общества, с другой), вызвать противоречие между структурой и объектом социологии [420, S. 598]. Таким образом, не просто избавиться от впечатления, что в имплицитных указанным концепциям объяснениях генезиса и природы современной рациональности (в культуре ли, в социуме) мы встречаемся с незаметно или искусно вмонтированной тавтологией, *idem per idem*, когда в процессе доказательства используется то, что еще предстоит доказать, и модернистская рациональность объясняется в конечном счете через нее саму. Вопрос о первичности яйца или курицы оставлен неразрешенным. Ситуация напоминает ту, которую в начале века Эдмунд Гуссерль [118] подверг нелицеприятной критике (напомним, в ответ на тогдашние претензии психологии занять место некоей сверхнауки, матери всех наук, не исключая и логику, Гуссерль остроумно заметил: а не использует ли заведомо психология, как наука, ту самую логику, происхождение и природу которой она силится объяснить?).

Во-вторых, истолкование рационального (эмпирического, теоретического) с привлечением вне- и иррациональных феноменов не вполне безобидно. Внесение в аппарат рациональной науки мифологических, религиозных, герметических образов и категорий, глубоко инородных ей, нарушает ее чистоту, размывает конститутивную критериальную строгость. С одной стороны, психоанализ, структурная антропология действительно привлекают своей «объемностью», «полнотой», т. е. смешанным статусом — на стыке науки, искусства, религии, — будоража воображение и по-своему убеждая. Но такое убеждение в конечном счете оказывается скорее софистическим, чем настоящей доказательной строго-

стью наук рациональных. Поэтому, с другой стороны, здесь должны быть отмечены и явственные черты, роднящие их с паранауками (это не осуждение, лишь констатация). Кстати, сам Юнг не стеснялся открыто называть собственную аналитическую психологию то «западной йогой», то «алхимией XX века» [394, с. 20].

Каков же выход? Остаться ли вместе с позитивистскими социологией, культурологией и в конце концов отказаться от объяснений многих действительно реальных вещей? Или привлекать-таки методы упомянутых «художников от науки», разрабатывая ниву имажинации, герменевтической искусности, изощренности, но, увы, не последовательно строгого рассудка читателя? Из двух возможностей более обещающей кажется третья. Объяснения рациональных моментов в сознании, языке, социуме, в их формах и структурах возможны и без выхода за границы рационального мышления. Специфически современная рациональность может исследоваться с помощью рациональности принципиально иного, более древнего типа, — но с таким расчетом, чтобы не впасть в вышеупомянутое противоречие между предметом и методом исследования. Т. е. из всего состава старорационального должно быть отобрано и использовано только то, что не противоречит новой рациональности, что подразумевается последней, на что получены ее санкции.

В чем плюсы предлагаемого подхода? Во-первых, старорациональное не менее «статично», сущностно ахронично, чем перечисленные миф, герметические учения или первобытный социум. Поэтому упоминавшееся достоинство играющих с «иррациональностью» культурологии, социологии: прерывание дурной бесконечности в поисках оснований современной изменчивой, открытой рациональности, а также преодоление антиметафизического духа, соответствующей «нищеты» позитивистских наук, — в данном случае сохраняется. В математической сфере к примерам типологически древнего, «фундаменталистского» знания могут быть отнесены, скажем, счет и комбинаторика, арифметические и геометрические пропорции, теоремы пифагорейского цикла (о прямоугольном треугольнике, об иррациональности ряда радикалов, первоначально $\sqrt{2}$), свойства треугольников, многоугольников, многогранников, диофантовы уравнения и др. Во-вторых, мы не покидаем в данном случае пределов рациональности как таковой, избегаем ее эрозии под воздействием атакующей паранаучности или эмпатической художественной образности.

Да, нам по-прежнему не удастся избавиться от модернизации типологически старого знания: наше понимание Фалеса Милетского, Пифагора, Эвклида, Герона, математических построений халдейских магов, египетских и индийских жрецов, китайских даосов, разумеется, отлично от аутентичного. Однако оно обладает как минимум не меньшей, а иногда и большей точностью и обязательностью. Мы не контаминируем, не наносим ущерба ни старому знанию (неадекватной современной интерпретацией), ни рациональности новой (привнесением в нее давно или исходно чуждых ей категорий). Обе стороны: и объясняющее, и объясняемое — в данном случае синхронно упрочиваются, выигрывают, а значит, в выигрыше и их общее дело. Несмотря на модернизацию языка описания, обозначений, инструментальных методик, здесь, несомненно, сохраняется и преумножается главное: логическая чистота и критериальная строгость. Старое знание — и в историческом, и в систематическом плане — было и остается основанием рациональности современного, позитивного типа, мало того — оно сосуществует с последней по настоящий период. Если рационализированная интерпретация мифа, герметизма или первобытного социума является искажением их собственной ментальности, стержневой самоидентификации⁵, то применительно к архаической рациональности такого, к счастью, не происходит: к примеру, как и тысячелетия назад, мы загибаем пальцы при счете. Она, эта древняя рациональность, никогда, собственно, не умирала (скажем, геометрию Эвклида изучали и в Древних Греции, Риме, и в Средневековье, и ныне), традиция — не прерывалась.

Совсем иначе, понятно, обстоит дело с той же греческой мифологией. С чего бы это мне, современному русскому или китайцу, мыслить в категориях Эдипа, Электры или Одиссея и полагать, будто Эдип — это я в отношениях с собственным отцом или «отцом народов» Сталиным, Мао Цзэдуном? Почему мне непре-

⁵ Греческий миф адаптируют и корректируют те, кто сам не верит ни в Зевса, ни в Сфинкса, не совершил ни одной гекатомбы; Карл Юнг не посвящал годы переливанию ртути из алхимической колбы в пробирку и не жаждал одарить человечество философским камнем, избавить металлы от порчи; этнограф же, проводящий полевые исследования среди дикарей, периодически связывается с руководством по спутниковому телефону и помнит, что улетит домой на вертолете.

менно считать, что некое нигредо средневековых алхимиков отражает момент трансформации моей личной или социально-политической жизни? Если так полагал кажущийся мне полоумным алхимик, это его личное дело; разве это основание, чтобы я отождествлял себя с этим прячущимся за толстыми стенами мрачного замка затворником? В отличие от древнего рационального, в частности математического, знания, в таких процедурах присутствует очевидная произвольность, факультативность, апелляция к ярким, но внутренне необязательным примерам и феноменам. Метафора становится едва ли не главным инструментом познания. Санкции со стороны современного разума на подобную процедуру могут быть получены, но в них может быть и отказано — в зависимости от субъективных вкусов и предпочтений. Да и не требуется ли для того, чтобы всерьез сравнить себя с чуждой личностью, предварительно стать шизофреником: чем в принципе отличается мнение о себе как об Эдипе от убеждения, что я — Наполеон или Навуходоносор?

Повторим, толкование новорационального (культуры и социума) через типологически старое, но по-прежнему рациональное, конечно, не может претендовать на объяснение рационального вообще, рациональности как таковой — иначе мы вновь попадем в капкан тавтологии, скрытых подтасовок и неизбежных противоречий. Поэтому целесообразно сузить поставленную задачу и исследовать природу и формы главным образом модернистской рациональности — на фоне и методами рациональности принципиально иной («древней», «архаической»). В конечном счете наш основной интерес — мы сами, наша культура и общество.

Разумеется, следует обстоятельнее пояснить, каковы права на отделение статической старой рациональности от специфически современной — позитивистской, лабильной. Этой цели, на наш взгляд, в состоянии послужить следующие соображения.

Прежде всего, возвратимся к поставленному выше вопросу: все ли из старорационального сохраняется в твердой и ясной памяти современного человека, в его активном оперативно-логическом арсенале? В средней школе мы изучаем множество математических приемов и теорем. Что происходит с ними затем в нашем сознании? Кое-что из них, безусловно, сохраняется и проносится через всю сознательную жизнь (так, большинству из нас удастся правильно сосчитать собственную зарплату или причитающиеся про-

центы по банковским вкладам). В отношении же к другим секторам наблюдаются интересные странности.

Люди гуманитарного склада стремятся как можно скорее забыть кошмар школьных уроков арифметики, алгебры, геометрии, стереть из памяти малейшие следы детских мучений и неудач. Даже косвенный намек на некие формулы, выкладки воспринимается ими как дерзкое покушение на их честь и достоинство, как угроза их сегодняшней самоидентификации, самоуважению. Что с того, что тому же юристу, филологу приходится так или иначе использовать в своей профессиональной деятельности элементы, скажем, сложно-комбинаторного мышления? — То же самое в более строгой и компактной форме, т. е. в виде формулы, вызывает протест: «Это не имеет ко мне, к моему предмету ни малейшего отношения!»⁶.

Не менее любопытная ситуация и с представителями точных, технических отраслей. Тот же инженер, изучив в вузе несколько разделов относительно современной, так называемой высшей, математики и, возможно, используя кое-что из них в своей повседневной работе, давно забыл, например, что точка пересечения медиан треугольника отсекает одну треть их длины. «С какой стати я должен помнить об этом? Какое отношение это имеет ко мне? Да, факты подобного простейшего рода в конечном счете лежат в основаниях моей собственной профессии, но на практике мне это совершенно не нужно!» — Случайная встреча с подобными элементарными истинами воспринимается в лучшем случае как некий фокус, занимательный казус или вызывает снисходительную улыбку как ностальгическое воспоминание о давно забытых милых детских забавах.

По-своему занятен и психологический комплекс тех, кто вынужден помогать своим детям в учебе. «Папа, у меня задачка не выходит!» — Папа отрывается от футбольного матча по телевидению.

⁶ Так было не всегда. Во II в. до н. э. индийский поэт Пинтала пользовался так называемым «треугольником Паскаля» (чья природа комбинаторна) для решения вопросов поэзии [202, с. 298]. У Омара Хайяма также встречается этот треугольник. По некоторым свидетельствам, и в византийскую филологию включались математические, в том числе комбинаторные методы. Не подобная ли критериальная и аналитическая строгость способствовала успеху Кирилла и Мефодия при создании славянского алфавита?

ру, приосанивается и надевает очки: «Та-а-ак, посмотрим» (оставим в стороне ответ «Спроси у мамы», рассмотрим случай «хорошего» папы). Папа, конечно, основательно подзабыл правила обращения с цепными дробями. Если он не справится с задачей для третьего класса, на его голову в глазах сына падет черный позор, авторитет будет подорван. Если пример все же удастся осилить, то это будто бы само собой разумеется: «Папа заканчивал институт, он владеет даже высшею математикой». Подобная семейная игра — с заведомо не нулевой суммой; в такой игре можно многое проиграть, но, увы, мало что выиграть. На приглашение к играм подобного рода в другой ситуации мы наверняка бы ответили: «Это нахальное шулерство!» Но кто по-настоящему знает и помнит рассматриваемое старорациональное (за исключением горстки узких специалистов)? — Наверное, школьные преподаватели. Однако мы относимся к ним едва ли не со снисхождением, а в ультрасовременной Америке предпочитают не жениться на учительницах.

Таким образом, можно констатировать вытеснение старорационального из области «нормального» взрослого мира, с поля актуальной культуры, общественной жизни. Проиллюстрированное на уровне персональных реакций — так сказать, в аспекте онтогенеза — воспроизводится и в коллективно-историческом, филогенетическом плане: стремительно изменяющиеся, уходящие вперед наука, культура, социум тщательно забывают, а то и рубят собственные «хвосты». В связи с чем, вероятно, допустима следующая гипотеза: наряду с тем бессознательным, которое изучают психоаналитики, культур-антропологи (и которое мы рассматривать отказались), существует и так называемое *новое бессознательное*, слагающееся из задвинутого в темный чулан или «отработанного» рационального. Подобно богатой соками почве, оно питает ныне живущие культурные и социальные организмы и при этом является продуктом тысячелетий социокультурного мира предшествующих поколений. Она, эта почва, заодно служит и основанием современных цветущих форм деятельности, сознания, социальной организации. Наша способность забывать и даже намеренно изгонять из памяти, психически блокировать все «ненужное» и/или неприятное ответственна за упомянутую изоляцию, формирование нового бессознательного. Чему способствует и всеобщее устоявшееся мнение: «Школьное знание, школа — это одно, а взрос-

лая, т. е. серьезная, настоящая, жизнь — совершенно другое», — и это становится еще одной предпосылкой каждодневного, самовоспроизводящегося отделения старого рационального от современного. Старорациональное — нечто пассивное, неизменяемое, искусственное; ему учат в огороженных резервациях, т. е. в школах, тогда как новое — истинная сфера приложения наших сил, область подлинных, свободных, невыдуманых интересов.

Бессознательное, в данном случае новое бессознательное — здесь мы полностью солидарны с аналитической психологией — решающим образом влияет на человеческое воображение, интуицию, кредо (априорные, необсуждаемые предпосылки), на интеллектуальные, эстетические, социальные плоды развивающейся современной реальности. Однако на сей раз, в отличие от психоаналитического бессознательного, оно оказывается вполне рациональным по природе и, значит, подлежащим рассудочному анализу. Термины «новое бессознательное» и «рациональное бессознательное» поэтому отныне будут использоваться как синонимы.

Рациональное бессознательное складывается не только из некогда пройденного в школе, а затем полностью или наполовину забытого. В него входят и те разделы старорационального, с которыми нам, возможно, никогда не доводилось знакомиться, но которые, однако, принадлежат тому же единому корпусу, с необходимостью связаны с тем, что изучалось. О таких разделах у нас нет никаких, даже смутных, воспоминаний, и все же они дают знать о себе на уровне спонтанных догадок⁷, на уровне, так сказать, «априорного предзнания». В состав рационального бессознательного может быть включено и то, что забыто современной культурой в целом и тем не менее остается ее негласной, но обязательной предпосылкой.

Это и понятно: обыкновение забывать присуще не только индивидам, но и целым народам, цивилизациям. Ведь процесс сохранения любого из положений рациональной культуры требует непрестанной работы; воспроизводство — результат не только постоянных усилий, но и новых жертв (не говоря об ординарных

⁷ Не ведая того, в своих современных занятиях мы то и дело воспроизводим то, что было сделано очень давно, о чем можно прочесть в специальных трудах по истории той или иной — возможно, не «нашей» — науки, хотя бы оно и было выражено на языке других категорий.

финансовых затратах, каждый может вспомнить, скажем, о собственных слезах, когда заставляли заучивать таблицу умножения). Прежние математические достижения теряют и сами математики. В качестве примера можно привести одну из бытующих версий, почему на протяжении трех веков не удавалось доказать большую теорему Ферма, формулировка которой элементарна⁸. Стоит ослабить пристальное внимание — и целые области рационального попадают на периферию поля интеллектуального зрения, а не то и в «слепую зону».

Исключительно высокая формообразующая роль рационального, в нашем случае старорационального, обязана не только пресловутому технократизму индустриального общества, глубокому проникновению рациональных парадигм и в гуманитарное, в социально-политическое мышление, в реальное поведение. Наши эвристическая деятельность, историческое творчество в значительной степени подпадают под юрисдикцию платоновской схемы: достижение нового знания есть «припоминание». При встрече — в научных теориях, произведениях искусства, политических и государственных конструкциях — с элементами старорационального происходит акт «узнавания», осуществляется своеобразное освобождение из плена забвения, «орфическое воскрешение», вызывается соответствующий «катарсис». Причем возрождается, прорывается на поверхность тот инфрауровень нашей ментальности, который освящен непререкаемым авторитетом, когда такой авторитет еще существовал для нас: для нас лично (учителя, родители), для нас вместе (патриархальное общество,

⁸ Ферма не лукавил, когда утверждал, что нашел очень простое и изящное доказательство, — ведь во всех остальных случаях его сообщения были подтверждены. Неужели математический гений более поздних ученых иссяк? — Нет, данная версия математиков о причинах неудач в доказательстве состоит в том, что необратимо утрачен особый ракурс мышления, присущий эпохе Ферма, отчего и не удавалось подыскать необходимых приемов, подходов. Соответственно, нет полной уверенности, что если бы и в других разделах мы потеряли то, чем сейчас уверенно — и не особенно задумываясь, автоматически — пользуемся, то нам непременно удалось бы восстановить утраченное. Каждый сектор рационального раскрывает свои врата в особом социально-историческом, культурном, цивилизационном контексте и при других условиях может оказываться недостижимым.

мудрецы, Учителя с большой буквы). Как при всяком выныривании существ из глубин «внутреннего моря» подсознательного, мы испытываем как восторг, так и страх, цепenea перед химеричностью, нуминозностью.

Не только этим обусловлен регулятивный статус старорационального. Если миф обладал экзистенциальной силой, располагал не только познавательной, но и самопознавательной, идентифицирующей функцией, то он был, во-первых, разным для разных эпох и народов и, во-вторых, недостаточно по современным меркам организованным, систематичным, самосогласованным: одни его части могли противоречить другим или вообще с ними не соотноситься. Совсем иначе в сфере старорационального: оно куда более систематично, универсально, логически согласованно, что придает ему конститутивную прочность, устойчивость. Поэтому оно гораздо лучше отвечает привычкам современных человека и общества. Последнее резко повысило свою коммуникативную связность по сравнению с предшествующими эпохами, они оба стали более чуткими и менее терпимыми к противоречиям, нестыковкам, произвольности. Внутреннее равновесие — и модернистского человека, и социума — достигается в большей мере на дорогах не мифа, а обязательного, «естественного» старорационального. Именно к последнему во многом переходит та экзистенциальная, «спасительная» (и/или «избавительная», компенсаторная) роль, которую психоанализ отводил иррациональному бессознательному.

Но инвентаризация рационального бессознательного еще не закончена. Наряду с тем, что мы знали, да забыли, с тем, что большинство конкретно никогда не изучало, и с тем, что оказалось заброшенным культурой в целом, существуют и другие сектора. Вдоль одного из них мы скользнули в сноске о теореме Ферма — это то, что по каким-то причинам так и осталось не найденным, неэксплицированным соответствующей культурой. На каком основании мы можем судить о реальности неоткрытого, наделяя его вдобавок статусом рационального? — На помощь приходит компаративистика, т. е. сравнительная культурология: например, европейцам вплоть до Нового времени были неизвестны ни алгебра, ни отрицательные числа, ни нуль, тогда как арабы, индийцы, китайцы уже веками работали с соответствующими понятиями. Ев-

ропейское Средневековье не забывало ни натурального ряда, ни дробей, но чем оказывались для него отрицательные числа и ноль? — Последние принадлежали, во-первых, к кругу рациональных понятий, во-вторых, понятий, тесно логически сопряженных с привычными положительными числами, и, в-третьих, понятий, европейцами еще не освоенных.

О существовании соседних с действующими, но тем не менее никогда не открытых рациональных областей говорит и лауреат Нобелевской премии по физике американец Е. Вигнер⁹. Заметим, что и в мифах существовала не только популярная, экзотерическая часть, но и скрытая, эзотерическая: либо сознательно оберегаемая жрецами, либо неизвестная даже им самим (поэтому исследования никогда не прекращались, к ним привлекались достижения служителей и других, иноземных культов).

В специфическую подзону рационального бессознательного можно выделить те случаи, когда мы пользуемся не собственно рациональными, скажем, технологическими, инструментальными, определениями для каких-нибудь вещей, операций, не стремясь или до поры будучи не в состоянии выяснить их чисто рациональную природу. Так было, в частности, на протяжении двух с половиной тысячелетий в математике, пользовавшейся построениями с помощью циркуля и линейки (инструментальный критерий). Лишь в XIX в. сформулирована полная совокупность логических условий, стоящих за подобной инструментальностью. Чем были такие условия до упомянутой формулировки? Сказать, что открытие данной области еще не состоялось, неточно: дескрипция через циркуль-линейку по-своему удовлетворительна и доста-

⁹ «Один из моих студентов <Вернер, в то время учившийся в Принстонском университете> выразил удивление по поводу того, что для проверки своих теорий мы отбираем лишь крайне незначительное число данных. — Представим себе, — сказал студент, — что мы хотим создать теорию, пригодную для описания явлений, которые казались нам имеющими первостепенное значение. Можем ли мы заранее утверждать, что построить такую теорию, имеющую мало общего с существующей ныне, но тем не менее позволяющую объяснить столь же широкий круг явлений, нельзя? — Я вынужден был признать, что особенно убедительных доводов, исключающих возможность существования такой теории, нет» [75, с. 182–183]. Сказанное о новой науке, без сомнения, справедливо и применительно к старой.

точна, — но ее собственно рациональная основа долгое время оставалась полудатентной.

Следует указать и на так называемое межцивилизационное старорациональное, т. е. на то, что ни одной из исторических цивилизаций в полном объеме известно не было, но что, тем не менее, находило воплощение: одна цивилизация разрабатывала одну логическую интенцию, другая — вторую, но они обе — как две стороны медали некоего общего рационального. Один из таких прецедентов применительно к Востоку и Западу будет затронут в *Приложении 2*. В подобных случаях можно говорить о своеобразном диалоге, комплементарности и определенном рациональном, логическом единстве человеческой культуры в те века, когда ее ветви, казалось, почти не пересекались. Почему межцивилизационное рациональное мало-помалу открывается нам? — Вероятно, потому, что в XX в. мы стали особенно активно изучать достижения иных, в частности древневосточных, культур и превращать их плоды в свое достояние и, что важнее, появился субъект со смешанным самосознанием и самоидентификацией¹⁰, тогда как методы элементарной математики, универсальные для всех эпох и народов, были заранее готовы.

К особому подвиду рационального бессознательного относится то, что связывает между собой различные дисциплины. Для иллюстрации воспользуемся словами Е. Вигнера из доклада «Непостижимая эффективность математики в естественных науках».

Встретились как-то раз два приятеля, знавшие друг друга со студенческой скамьи, и разговорились о том, кто чем занимается. Один из приятелей стал статистиком и работал в области прогнозирования изменения численности народонаселения. Оттиск одной из своих работ статистик показал бывшему соученику. Начиналась

¹⁰ Таковой отсутствовал в массе еще несколько десятилетий назад. Скажем, Р. Киплинг, будучи несомненным знатоком Востока (Индии), оставался до кончиков ногтей англичанином, патриотом, подчеркивая несоединимость двух стихий: «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Тогда как с 1960-х гг. — условно, с революции хиппи — начинается повальное увлечение Востоком на Западе (занятия йогой, ушу и т. п. с тех пор — почти атрибут поколений, а обзаведение собственным гуру — голливудская мода). То, что Запад через технику, шоу-бизнес, TV, Интернет в свою очередь пришел на Восток, по-видимому, не требует доказательств.

работа, как обычно, с гауссова распределения. Статистик растолковал своему приятелю смысл используемых в работе обозначений для истинных показателей народонаселения, для средних и т. д. Приятель был немного привередлив и отнюдь не был уверен в том, что статистик его не разыгрывает.

— Откуда тебе известно, что все обстоит именно так, а не иначе? — спросил он. — А это что за символ?

— Ах, это, — ответил статистик. — Это число π .

— А что оно означает?

— Отношение длины окружности к ее диаметру.

— Ну, знаешь, говори, да не заговаривайся, — обиделся приятель статистика. — Какое отношение имеет численность населения к длине окружности? [75, с. 182].

Подобных примеров можно привести в изобилии, и неясность связи современных концепций со старорациональными не всегда обусловлена только тем, что соединительная цепочка умозаключений длинна. Такая неясность порой принципиальна. Так, кстати, обстоит дело в самой арифметике. С тех пор как К. Гёдель доказал в 1931 г. теоремы о неполноте, из которых, в частности, вытекает, что не существует полной формальной теории, где были бы доказуемы все истинные теоремы арифметики, точки над i оказались расставлены: различные разделы арифметики существуют относительно независимо друг от друга¹¹. Так мы их и проходим в школе — перескакивая от одной темы к другой.

Как знать, не этой ли логической «фрагментарности» генетически самого архаического раздела математики обязана его особая описательная сила? Ведь будучи «фрагментарным», он оказывается наиболее гибким, способным накладываться на поверхности самых разных явлений. Включая в себя, наряду с эксплицированными жесткими логическими стержнями, полускрытые имплицитные сочленения, он, в сущности, использует возможности не только сознательного рационального, но и бессознательного

¹¹ Теорема о невозможности полной аксиоматизации арифметики означает, что не только не известна, но и в принципе отсутствует конечная непротиворечивая система логических утверждений, из которой могут быть дедуктивно выведены все истинные положения арифметики. То же относится ко всем концепциям, включающим арифметику в качестве своей существенной части.

или полусознательного, воспроизводя тип древнего знания, мудрости, в их отличии от установок специфически современной науки. Сходным образом — смешивая вполне логичные и иррационально-имагинативные положения — поступал и миф, правда, в противоположность арифметике ставя акцент на втором компоненте. К мифам, мифологемам — в частности идеологическим, научным — прибегает ряд современных исследователей для объяснения феноменов модернистского социума. Но если мы идентифицируем себя в качестве рациональных существ, по крайней мере в пределах науки, не предпочтительнее ли апеллировать не к мифу, а к его комплементарно-альтернативному дополнению, к той же арифметике? Для этого необходимо лишь научиться свободно читать на ее языке, вернее, отказаться от «отвычки» так поступать применительно к самым разным явлениям, в том числе в культуре и социуме. Именно к такому варианту мы обратимся в предложенной книге. Арифметика не менее (скорее более) привычна, чем миф, и при этом не является столь вызывающе иррациональной.

Собственно говоря, упоминания о роли неосознанных, неконтролируемых факторов применительно к рациональному, особенно к процессу открытия новых рациональных истин, встречаются достаточно часто. К сожалению, они по преимуществу принадлежат периферии науки, ее анекдотам, таким, как рассказ о яблоке, упавшем на макушку Ньютона и высекшем из его головы закон всемирного тяготения. Более внятные сведения приводит А. Пуанкаре, поделившийся историей поиска доказательства одной из своих замечательных теорем.

«Случаи внезапного озарения, мгновенного завершения длительной подсознательной работы мозга, конечно, поразительны. Роль подсознательной деятельности интеллекта в математическом открытии можно считать, по-видимому, бесспорной» [265, с. 29], — резюмирует А. Пуанкаре, опираясь на ставшие трюизмом к тому времени психоаналитические положения, и вслед за тем указывает на сопутствующие эстетические переживания: «Мы определенно носим в себе ощущение математической красоты, гармонии чисел и формы, геометрического изящества. Все эти чувства — настоящие эстетические чувства, и они хорошо знакомы всем настоящим математикам» [там же, с. 32]. Не правда ли, рациональное здесь мало похоже на плоскую и сухую материю, наподобие перемещений костяшек на счетах (кстати, и в последнем иные виде-

Научное издание

Александр Игоревич Степанов

ЧИСЛО И КУЛЬТУРА

Рациональное бессознательное
в языке, литературе,
науке, современной политике,
философии, истории

Издатель А. Кошелев

Оформление и верстка Е. Капустянского.
На фронтисписе портрет А. Степанова работы Галины Блейх.
(1987 г. Линогравюра. Из собрания автора)
Корректор А. Зарецкий

Подписано в печать 2.03.2004. Формат 60 × 90 1/16
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. п. л. 67,08. Заказ № 3867.

Издательство

«ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrc@comtv.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Оптовая и розничная реализация – магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, e-mail: gnoxis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this edition

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. М153).

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.